

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь
Установа адукацыі
“Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт
імя І. П. Шамякіна”

**МІЖНАРОДНЫЯ
ШАМЯКІНСКІЯ ЧЫТАННІ
“ПІСЬМЕННІК – АСОБА – ЧАС”**

Матэрыялы

III Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі
Мазыр, 27 верасня 2013 г.

Мазыр
МДПУ імя І. П. Шамякіна
2013

УДК 821.161.3
ББК 83.3(4 Бел)
М58

Рэдакцыйная калегія:

Сузько А. У., кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры літаратуры (*адказны рэдактар*);
Барсук А. Я., кандыдат гістарычных навук, дацэнт, намеснік дэкана філалагічнага факультэта па навуковай
работе; Мазуркевіч Л. М., кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства;
Барысенка Н. А., кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства

Друкуецца паводле плана навуковых і навукова-практычных мерапрыемстваў
УА МДПУ імя І.П. Шамякіна на 2013 год
і загада па ўніверсітэце № 829 ад 11.09.2013 г.

Міжнародныя Шамякінскія чытанні “Пісьменнік – Асоба – Час” : матэрыялы III Міжнар.
М58 навук.-практ. канф., Мазыр, 27 верасня 2013 г. / УА МДПУ імя І.П. Шамякіна ; рэдкал.:
А. У. Сузько (адк. рэд.) [і інш.]. – Мазыр, 2013. – 274 с.
ISBN 978-985-477-324-7.

У зборніку прадстаўлены матэрыялы III Міжнародных Шамякінскіх чытанняў “Пісьменнік – Асоба – Час”. У цэнтры
навуковай увагі аўтараў – асоба і творчасць І. П. Шамякіна, актуальныя праблемы мовазнаўства, светапоглядныя кампаненты
нацыянальнага вобраза свету і інш. Выданне адрасуецца выкладчыкам-беларусістам, студэнтам, вучням агульнаадукацыйных
школ і ўсім тым, хто цікавіцца сучаснымі літаратуразнаўствам, мовазнаўствам.

Матэрыялы публікуюцца ў аўтарскай рэдакцыі.

УДК 821.161.3
ББК 83.3(4 Бел)

ISBN 978-985-477-324-7

© Калектыў аўтараў, 2013
© УА МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2013

хвал
ўпл
каш
ўбач
што
люб
пра
ары

кла
і ч
піс
“Не

суп
Пя
ам

бы
нас
ме,
не
гр
і м

ар
су
пр
і С

ж
не
ш
х
т

К
с
м
х
а

з
І
к
м

Тригук М.О. (Минск, Беларусь)

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРВОЛИЧНОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ
В ПРОЗЕ Л. ДРАНЬКО-МАЙСЮКА
(НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКА «КНИГА ДЛЯ СПАДАРЫНІ ЭЛ»)**

При изучении художественного текста особый интерес вызывает его коммуникативная структура, в частности соотнесенность текста с определенным субъектом речи – повествователем. Повествователь в рамках текста реализует внешнюю коммуникативную структуру «автор – повествуемое – читатель», так как, по М. Бахтину, «... создающий образ (то есть первичный автор) никогда не может войти ни в какой созданный им образ» [1, с. 353]. Для характеристики коммуникативной структуры текста используются различные термины, обозначающие субъект речи (повествователь, рассказчик, нарратор, образ повествователя, образ рассказчика), его типологию (диегетический/ недиегетический нарратор; персонифицированный/экзегетический повествователь и др.), а также особенности повествования (субъективированное/ объективированное повествование; повествование от 1 лица/ от 3 лица и др.). В западном литературоведении и лингвистике адресант фиктивной коммуникации обозначается обобщенным термином «нарратор»; в то время как в русском литературоведении и лингвистике традиционными являются термины «повествователь» и «рассказчик». Повествователь соотносится с объективным, стилистически нейтральным повествованием, ведущимся от 3 лица. Он выполняет функцию посредника между читателем и текстом, с одной стороны, и между читателем и автором-творцом, с другой. В отличие от повествователя рассказчик – это «носитель речи, открыто организующий своей личностью весь текст» [2, с. 33], ведущий повествование от 1 лица. Рассказчик обычно обозначает инстанцию более или менее субъективную, личную, часто совпадающую с одним из персонажей и принадлежащую миру повествуемых событий. В отличие от стилистически нейтрального повествователя рассказчик характеризуется некоторым специфическим, маркированным языковым

обликом, эмоционально-оценочной сферой: «Образ рассказчика в сказе накладывает отпечаток своей экспрессивности, своего стиля и на формы изображения персонажей. Рассказчик – речевое порождение автора, и образ рассказчика в сказе – форма литературного артистизма автора» [3, с. 122].

Нарратор – это намеренно создаваемый автором-творцом художественный образ, значимый как для восприятия текста, так и для его интерпретации. По В. Шмиду, повествующие субъекты разделяются по отношению к изображенному миру произведения. «Диегетический» нарратор «... повествует о самом себе как о фигуре в диегесисе» и «фигурирует в двух планах – и в повествовании (как его субъект), и в повествуемой истории (как объект)», в то время как недиегетический нарратор «... повествует не о самом себе как о фигуре диегесиса, а только о других фигурах. Его существование ограничивается планом повествования, “экзегесисом”» [4, с. 81]. Между тем, коммуникативная структура художественных текстов, наделенных автором-творцом фигурой рассказчика, неоднородна. Таким образом, целью работы является выявление особенностей перволичного повествования в художественных текстах (на примере сборника Л. Дранько-Майсюка «Нервовы раман»).

Сборник «Нервовы раман» Л. Дранько-Майсюка (2012) [5] объединяет в своем составе тексты разных родов литературы: прозу, стихотворения, пьесу. Прозаические тексты сборника тематически различны. «Нервовы раман» посвящён описанию любовного романа, в то время как остальные тексты концентрируются вокруг восприятия автором других стран, отдельных личностей и событий («Еўропа – дзяцінства», «Водар вільготнага траўня», «Характар Арменіі»). Названные тексты объединяются перволичным повествованием, имеющим значимые особенности в каждом из текстов. Употребление местоимения я и форм глагола первого лица, характерное для всех текстов, представляет собой самоизображение, хотя и редуцированное: *Я палюбіў Паўночны гэтак жа, як люблю тья хвіліны, у якія разумею кожную сваю мару; І я згаджаюся – і з тым, што я спакойны, і з тым, што сваё жыццё я ўжо пражыў...; Спытаюся ў самога сябе: чаму? и др.* Несмотря на редуцированное самоизображение рассказчика, создается личностное единство образа повествователя, которое связано с обращённостью говорящего к миру поэзии. Так, в текстах много размышлений о поэтах и отсылок к их творчеству, в связи с чем упоминаются: *Янка Купала, Юрка Лістанад, Пятро Глебка, Максім Танк, Мандэльштам, Кузьма Чорны, Апалінэр і іні.* Встреча с поэтессой Ингой-Линной Линдквист и разговор с ней о поэтах стали предметом описания в художественном тексте «Водар вільготнага траўня». Знаменитому армянскому поэту и прозаику – Егише Чаренцу – посвящено произведение «Характар Арменіі». В этом тексте есть следы метанаррации, указывающие на род занятий автора-творца: *Я ведаў: калі буду пісаць пра Арменію, буду пісаць пра Цябе, бо Ты – слоўная сутнасць армянскага дыхання.*

Для образа повествователя в «Нервовым рамане» значимым является его присутствие в двух планах изображаемого мира – в плане повествуемой истории и в плане повествования как акта рассказывания. С точки зрения восприятия повествование может быть условно разделено на две части. События, описываемые повествователем в этих частях, отличаются местом нахождения повествующего «я»: в первой части это Европа, во второй – Минск. В обеих частях повествующее «я» обращается к воспоминаниям, однако во второй части, по сравнению с первой, снижен их удельный вес. Для первой части характерна большая обращённость повествующего «я» в план мыслей, воспоминаний, ассоциаций, что создаёт условия для его раскрытия. Вторая часть, напротив, ярче раскрывает повествуемое «я» в цепи событий и фактов. Кроме того, повествуемое «я» выражается и в событийной канве воспоминаний.

Временная дистанция между началом романа и решением рассказчика закончить роман позволяет выявить динамику образа повествователя. Вначале повествуемое «я»

предстает как романтический субъект, видящий все несколько приукрашено. Доминантой его отношения к Эл становится удивление, в которое постепенно проникает раздражение: *Я так і не разабраўся тады, але адчуў, што з гэтага моманту рэчаіснасьць аддалілася ад мяне на тую адлегласць, на якой звычайна смерць знаходзіцца ад жыцця. – Прыгожанькая цынічка, амаль удвая за мяне маладзейшая, распачала са мной бессаромную гульню, і гэта гульня авалодала мною. – Мусіць жа, з гэтых недарэчных «павукоў» і пачалося яно, – маё павольнае аддаленне ад цябе, бо калі глядзеў на тлустую хімічную пляму, якая назаўсёды авалодала тваім жыватом, то адчуваў сваё мужчынскае бяссілле... і др.* Затем повествуемое «я» характеризуется резкостью и категоричностью суждений, что выражено дистатитным употреблением предложений сходной структуры, выделенных анафорой местоимения *ты*: *Ты пачала раздражняць мяне ... – Ты выйшла з дзясвочасці гэтак жа звыкла, як, скажам, звякла выходзяць на вуліцу з якой-небудзь абутковай крамы. – Ты заўсёды дамагалася таго, чаго хацела і заўсёды рабіла тое, што табе хацелася рабіць. – Ты меціла ў гэтым агні спаціць сваю будучую старасць і не думала накуль станавіцца ні жонкаю, ні маці. – Ты ведала, што табе трэба, а што не ...* В приводимых контекстах героиня именуется не привычным для нарратива местоимением 3 л. *она*, а местоимением *ты*. Местоимение *ты* потенциально свидетельствует о тождестве участника сообщаемого факта «... с реальным или потенциальным пассивным участником факта сообщения, т. е. с адресатом» [6, с. 100]. Имплицитно выраженная направленность на диалог вступает в оппозицию с эксплицитно оформленными мыслями: *Наладзішы ад цябе неабходныя уцёкі, я апынуўся ў Дубліне ...* В «Нервовым раманах» внутренняя жизнь персонажа не только воспринимается, но и формулируется самим персонажем, что не исключает возможной напряженности, ощущения внутреннего противоречия в его сознании между его функциями рассказчика и персонажа.

В тексте «Еўропа – дзяцінства» повествование разделено на три части, что выражено графически. Предметом речи повествующего «я» в первой части становится прапорщик Хахалин – «первооткрыватель» ассоциации Европы как детства для рассказчика. В этой части повествуемое «я» раскрывается как второстепенный герой-наблюдатель. Уже в первой части начинают описываться ассоциации Европы с детством, вначале как принадлежащие Хахалину, а затем как собственные мысли рассказчика, которые плавно перетекают во вторую часть повествования. Размышления повествующего «я» о Европе структурируются вопросами, чётко утверждающими его позицию: *І сапраўды, хіба антарктычная лёдавая пустыня – не праўдзівае аблічча смерці? Хіба амерыкайская тэхнапрастора – не дакладнае сведчанне сталасці? А хіба наша еўрапейскае моцарыянства – не зялёны сад, на якім бегаюць, у якім блазнуюць геніяльныя неслухі? – А што ж еўрапейскія ваяўнікі і святары? – А еўрапейскія старыя?* За краткими ответами на поставленные вопросы следуют описания увиденного, подтверждающие авторскую точку зрения. Например: *А што ж еўрапейскія ваяўнікі і святары? – Ды тое ж самае! І яны ніяк не могуць здаволіцца ўжо звыклымі забаўкамі. Яны дзівачаць – праўдзівей, бароняць і ўслаўляюць культ Дзіцячага свету...* В результате в речи повествователя возникает эффект присутствия собеседника. В третьей части употребляется глагол в форме 2 л. мн.ч., форма которого предполагает собеседника: *Можцаце сабе ўявіць – яе [Еўропу] забыліся адкрыць! Нас чакае самае вялікае геаграфічнае адкрыццё!* Проникающая в повествование форма *нас* объединяет говорящего и его мыслимого собеседника. Имитация диалога позволяет оживить рассуждения, представить их как обсуждаемый и, в идеале, разделяемый собеседником факт действительности. Этой функции содействует и история о прапорщике Хахалине, обрамляющая повествование. Кроме того, в конце повествования рассказчик говорит о своих мыслях как о содержании письма. Отсылка к эпистолярному жанру формирует дополнительный пласт в иллюзии коммуникации и умножает возможности прочтения.

ин
 Пс
 пу
 на
 Пс
 со
 пс
 Вп
 яр

 Еп
 цп
 уч
 об
 бп
 ар
 пс
 вс
 ул
 в
 цп
 с
 м
 зп
 пс
 зс
 п
 у
 с
 м
 ар

 в
 ц
 п
 р
 а
 о
 в

 1
 п

 2

В тексте «Водар вільготнага траўня» повествователь представлен как две инстанции: повествующее «я» и повествуемое «я» в роли главного персонажа. Повествователь перемещается по Лиссабону и Парижу, однако впечатление от путешествия минимизировано в его речи. Внимание повествующего «я» сосредоточено на историях о двух поэтах: вначале в свободной форме передается история о Фернандо Песоа, рассказанная поэтессой Ингой-Линой Линдквист в Лиссабоне. Затем передается собственный рассказ об Аполлинере, имевший место в Париже. В результате повествование можно условно разделить на две части сходного строения и объема. Выявление повествующего «я» в произведении минимизировано. Повествуемое «я» ярче проявляется в своих мыслях и рассказе об Аполлинере, чем в событийном плане.

«Характар Арменіі» посвящён знаменитому армянскому поэту и прозаику Егише Чаренцу. Повествование в данном тексте также можно рассматривать сквозь призму повествующего «я» и повествуемого «я», который является второстепенным участником некоторых упоминаемых событий. Речь повествователя, в основном, образуется его собственными мыслями об Егише Чаренце, с опорой на детали биографии поэта и некоторые события, связывающие повествователя с Арменией и армянским народом. В тексте происходит традиционная минимизация роли повествующего «я». Минимизируется также и роль повествуемого «я» под воздействием авторского восприятия личности Егише. Использование приёма умолчания (имя поэта не названо ни разу) ставит дополнительные акценты в восприятии величия армянина. Единственной отсылкой, позволяющей читателю прояснить, кому посвящен текст, является название романа – «Краіна Наіры». Наряду с повествуемым «я» значимым семантическим центром повествования становится местоимение *ты*, которое заменяет имя поэта и пишется с большой буквы: *Праз Цябе я глядзеў на Твой народ... Менавіта тут выяўна і акрэслена Ты ўбачыў усласную пагібель. Хто Цябе любіць, той на сённяшні дзень чуе і будзе чуць бязлітасны ледзяны звон. А Цябе любяць усе, бо Ты пясняр наветра Арменіі...* Широко используются притяжательные местоимения, относящие описываемые явления к личности поэта: *У тваім народзе магчымае сышлося з немагчымым; Адсюль, напэўна, і развагі Тваіх сённяшніх вучняў; Гэта была сутнасна твая думка ... и др.* С помощью названных местоимений эксплицитно обозначается способ восприятия повествователем армянского народа и действительности сквозь призму личности поэта.

Таким образом, в прозе сборника «Нервовы раман» рассказчик предстаёт как взаимодействие двух инстанций. Повествующее «я» представлено минимально, что в целом традиционно для современной литературы. Своеобразием в выявлении повествуемого «я» является его раскрытие не через событийный план, а через план размышлений и ассоциаций. Маска рассказчика как участника событий становится для автора-творца способом воплощения мыслей как элементов изображаемого мира, что особенно ярко проявляется в таких текстах, как: «Еўропа – дзяцінства», «Водар вільготнага траўня», «Характар Арменіі».

Літаратура

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин – М.: Искусство, 1979. – 415 с.
2. Корман, Б.О. Изучение текста художественного произведения / Б.О. Корман. – М.: Просвещение, 1972. – 113 с.
3. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – 656 с.
4. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

5. Дранько-Майсюк, Л. Книга для спадарыні Эл : проза, вершы, п'еса / Л. Дранько-Майсюк. – Мінск : Кнігазбор, 2012. – 200 с.

6. Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / Отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1991. – 370 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ